

**«Гражданско-правовая природа межкомнатной перегородки»:
опыт ненаписанного исследования
(о некоторых тенденциях методологического развития
цивилистики в цифровую эпоху)¹**

В статье рассматриваются основные тенденции методологического развития гражданско-правовой науки, обусловленные переходом к обществу постиндустриального типа. Выдвигается тезис о том, что на протяжении всего постсоветского периода своего развития методология отечественного правопонимания (и его цивилистической отрасли) не выработала новых концептуально-методологических подходов к познанию государства и права. В связи с этим в условиях глобальной цифровизации, повлекшей появление новых, ранее не известных социально-правовой практике явлений, феноменов и процессов, наука гражданского права оказалась не готова к вызовам времени. С целью обоснования данного тезиса автор исследует науку гражданского права (понимаемую как фрагмент культуры общества, представленный системой общественных отношений по воспроизводству нового знания о гражданско-правовой действительности) с позиции философских методов (герменевтики и диалектики), метанаучных средств познания (системного подхода, классической логики) и подходов из иных областей знания (исторического, генетического). Результатом исследования стало выделение трех основных тенденций в методологическом развитии отечественной цивилистики. В их числе – исследовательская ориентация на общепринятое значение терминов, а не на содержание понятий, доминирование философского позитивизма и позитивного правопонимания в системе исследовательских средств, а также ориентация на юридическую практику как на критерий истинности выводов гражданско-правовой теории. Автор делает вывод о том, что в контексте данных тенденций существует риск деградации правовой науки, ее постепенного превращения сначала в законоведение, а затем – в обобщенное технико-прикладное знание. Также делается вывод о том, что преодоление данного состояния цивилистики обусловлено в первую очередь развитием методологического знания в контексте гносеологических идеалов цифровой революции.

Ключевые слова: наука; методология; цифровая эпоха; цивилистика; позитивизм; научные понятия; истина; юридическая практика.

Науки, занимающиеся методологическими вопросами, – больны
Г. Радебрух

По свидетельству В. А. Белова, один известный цивилист рекомендовал соискателю, сетовавшему на то, что в науке гражданского права уже все давно исследовано, написать диссертацию на тему «Гражданско-правовая природа межкомнатной перегородки» [11, с. 294]. Данный эпизод, с нашей точки зрения, отражает одну из фундаментальных проблем науки в целом (и цивилистики в частности) – проблему *формирования нового знания*, которая особенно актуализируется в настоящее время: цифровые технологии, артефакты виртуального мира, сделки в информационно-технологической сфере и прочие подобные им реалии цифровой эпохи стали для права и правопонимания настоящим испытанием. Правовая наука

* **Владислав Олегович Пучков**, магистр юриспруденции, исполняющий обязанности руководителя практики разрешения коммерческих споров ООО «Правопроцесс» (г. Екатеринбург).

E-mail: puchkovandpartners@gmail.com

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

столкнулась, тем самым, с качественно новым комплексом феноменов, которые зачастую весьма проблематично описать в понятийной схеме традиционных цивилистических конструкций. Многочисленные исследования по проблемам «цифрового» гражданского оборота, отражающие реакцию научного сообщества юристов на стремительную информатизацию социальной сферы, не стали, однако, фактором развития гражданско-правовой науки хотя бы в силу того, что по преимуществу остались замкнуты на методологических установках традиционного (позитивистского) правопонимания и философского позитивизма. Тем самым можно сказать, что на данном этапе развития гражданско-правовой науки ее методологический аппарат показал неготовность к осмыслению гражданско-правовых аспектов виртуальной социальной реальности. Такое положение дел в принципе понятно: «виртуальное» – это совершенно новая категория, не вписывающаяся в рамки ни материального, ни идеального [3, с. 11; 40, с. 19, 21, 29; 52, с. 224], а между тем именно материальные (эмпирически воспринимаемые) характеристики правовой действительности являются преимущественным предметом осмысления цивилистики. Характерным примером является в этом смысле проблема гражданско-правового режима доменного имени. Так, *de-facto* в юридической науке и практике формируется отношение к доменному имени как к вещи (в силу наличия у него индивидуально определенных характеристик) [32, с. 26; 48, с. 185; 59, с. 195–223]², однако вещь в традиционном понимании – это всегда предмет материального мира, нечто осязаемое и обладающее рядом качеств, свойственных любому другому физическому объекту³. Таким образом, налицо попытка искусственно придать доменному имени характер материального явления, что, разумеется, неверно и недопустимо теоретически. Однако имеет ли такой подход *методологическое* основание? С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным в том смысле, что устоявшиеся в «нормальной науке» (Т. Кун) гражданского права теоретические представления о сущности вещи в условиях цифровой революции (опосредующей, в свою очередь, революцию в науке) неизбежно меняются. Динамика вещного права как частной научной теории (проявляющаяся, главным образом, в изменении цивилистической концепции вещи и вещных прав) отражает в этом смысле фактор потенциальной смены научной парадигмы, фундаментального изменения традиционной для нашего правоведения концептуальной схемы постановки теоретических проблем и их разрешения.

Здесь надо отметить, что с точки зрения утвердившихся в философии науки моделей роста знания (дискретная модель Т. Куна, эволюционистская модель Ст. Тулмина и др.) модель развития нашего правоведения (и его цивилистической отрасли) явно ближе к дискретной. Так, в истории юридической науки можно проследить ряд революционных смен научных парадигм:

1) во второй половине XIX в. (в связи с оформлением правовой системы *per se* и развитием университетской традиции юридического образования);

2) в 1917–1930-х гг. (в контексте революционных изменений в экономической и политической сферах и оформлением правовой системы социалистического типа);

² «Доменные имена фактически трансформировались в средство, выполняющее функцию товарного знака (курсив мой. – В. П.), который дает возможность отличать соответственно товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц. Кроме того, доменные имена, содержащие товарные знаки или торговые наименования, имеют коммерческую стоимость» (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 января 2001 г. № 1192/00 по делу № А40-25314/99-15-271 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».).

³ Такая концептуализация вещи утвердилась в нашем цивилистическом правоведении еще в дореволюционный период [16, с. 115–116; 21, с. 16; 36, с. 6; 76, с. 2–3].

3) в 1990-х гг. (в связи с распадом СССР, переходом к рыночной экономике и отказом от философско-методологического монизма, замкнутого на марксизме как единственно возможной и непререкаемой методологии науки).

В каждый из названных периодов существенно менялся теоретико-методологический фундамент правоведения, его категориальный строй и концептуальная схема постановки научных юридических проблем и способов их разрешения. В связи с этим оправданно считать, что во многом научные революции в правовой науке обуславливаются релевантными переменами в общесоциальной сфере (что вполне понятно, поскольку право в условиях социальной революции становится первым и основным средством регламентации нового общественного строя).

В этой связи следует отметить, что революционным фактором для отечественной юридической науки являются не только внутригосударственные, но и общемировые, глобальные перемены в социально-экономической и политико-идеологической сферах, обусловленные ситуацией перехода к новому – постиндустриальному – типу общества [8, с. 367; 23, с. 363; 28, с. 39]. В этой связи наблюдается постепенное смещение акцентов социальной деятельности в плоскость виртуального пространства, становление интернет-экономики и стремительное развитие цифровых механизмов структурирования гражданско-правовых отношений (технологий *blockchain*, смарт-контрактов, цифровых прав и т. п.). Все эти факторы обуславливают необходимость не только развития «цифрового» направления в гражданско-правовых исследованиях, но и также, с нашей точки зрения, концептуального переосмысления традиционных цивилистических теорий (гражданского правоотношения, собственности и проч.). В этом контексте отнесение доменного имени к числу вещей актуальной цивилистической доктриной и судебной практикой отражает соответствующие изменения в теории вещного права, которая в настоящее время постепенно отказывается от отношения к вещи как только к материальному явлению, допуская в связи с этим распространение вещно-правового режима на виртуальные объекты (доменные имена, виртуальное имущество, криптовалюту и др.) [39, с. 104]⁴.

В связи с изложенным, с нашей точки зрения, актуализируется теоретико-методологическое осмысление актуальных тенденций развития гражданско-правовой науки, обусловленных информатизацией и цифровизацией общественных отношений. Нашей *основной целью* становится, в этом смысле, поиск ответа на вопрос о том, действительно ли наше цивилистическое правоведение продуцирует *новое знание* о гражданском обороте в цифровую эру, или по-прежнему занято пресловутым осмыслением гражданско-правовой природы «межкомнатных перегородок», т. е. вместо *нового знания* формирует «цифровые» интерпретации *знания наличного*? С нашей точки зрения, для ответа на данный вопрос необходимо выделить и проанализировать актуальные тенденции в теоретико-методологическом развитии современной отечественной цивилистики, проявляющие себя в контексте гражданско-правового осмысления «цифровых» аспектов общественных отношений. Проведенное нами исследование позволило в связи с этим выделить и описать следующие тенденции методологического развития цивилистики в цифровую эпоху.

⁴ Следует отметить, что, рассматривая проблему правового режима всякого бестелесного имущества (к примеру, бездокументарных ценных бумаг), цивилисты в большинстве случаев определяют его через конструкцию имущественного права; в такой логике, к примеру, безналичные денежные средства, электронные деньги описываются как права требования, равно как и бездокументарные ценные бумаги [33, с. 127; 78, с. 15; 82, с. 8; 91, р. 1078; 93, р. 717].

1. Превращение цивилистической доктрины из «юриспруденции понятий» в «юриспруденцию терминов», подменяющую содержательный аспект исследования формальным

В истории правовой науки общая теория права, первоначально оформленная в трудах представителей исторической школы юристов, мыслилась как в первую очередь юриспруденция понятий (*Begriffjurisprudenz*) [46, с. 453; 94, р. 301]. Целью научного юридического познания в концептуальной юриспруденции декларировалось построение строгой и единой системы абстрактных понятий, описывающих правовую действительность (в первую очередь – положительное право), фиксирующих в себе ее сущностные и закономерные характеристики⁵. Так, именно концептуалистами были разработаны фундаментальные общетеоретические категории (например, «объект права», «юридический факт» [64, с. 486; 96, s. 298]), а также базовые понятия гражданского права (например, «юридическое лицо» [54, с. 72]). Основным методом содержательного формирования научных понятий – дедукция из сущностных и закономерных характеристик правовой действительности, опосредуемых, в свою очередь, правовой культурой и универсальным правовым знанием [47, с. 260]⁶, – стал впоследствии методологическим основанием для всей системы построения юридического научного знания в романо-германской правовой традиции [15, с. 10; 57, с. 124].

Таким образом, понятия юридической науки допустимо определить как *воспроизводимые в юридическом научном познании предметно-содержательные формы, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности*. В связи с этим научные понятия выступают как форма выражения научного знания, его объективации в логико-языковых средствах языка науки [17, с. 107; 44, с. 505], в качестве которых выступают, в частности, термины [13, с. 31]⁷. В этом контексте Д. С. Лотте обращает внимание на основную характеристику термина – точность, которая, по мнению исследователя, определяется не этимологическими характеристиками термина, а его контекстуальными значениями (при этом контекст здесь понимается в широком смысле как не только законченный в смысловом отношении фрагмент текста, но и как методологические и социокультурные основания интерпретации термина)⁸. Отсюда можно сделать вывод, что термин и понятие соотносятся как форма и содержание соответственно.

Приведенное методологическое наблюдение *prima facie* не ново: различие понятия и термина является имманентно присущим научному познанию [43, с. 3]. Однако здесь видится важным следующее замечание В. В. Кима и Н. В. Блажевича: «Слово становится термином, когда *взаимно однозначно связывается с означаемым* (курсив мой. – В. П.), – пишут исследователи. – Следовательно, уже на эмпирическом уровне язык науки обогащается терминами, которые необходимы здесь для фиксации *устоявшегося фактического знания* (курсив мой. – В. П.)» [30, с. 26]. Таким образом, термины языка науки многозначны, но при этом доминирующее значение термина задается актуальной научной парадигмой. Именно парадигмальное значение термина, используемого при обозначении многих фе-

⁵ О задаче и методах юриспруденции понятий см.: [86, s. 88; 99, s. 499].

⁶ В противовес приведенному («дедуктивному») способу формирования научных правовых понятий в литературе выделяется также индуктивный, т. е. основанный на вычленении юридически значимых свойств общественных отношений и их обобщении, абстрактной интерпретации (см.: [10, с. 58]).

⁷ О взаимосвязи и взаимообусловленности терминов и понятий в методологии правоведа см.: [56, с. 38; 67, с. 9].

⁸ См.: [41, с. 24–25]. На этом основании автор различает правильно ориентирующие, нейтральные и ложно ориентирующие термины (см.: [41, с. 24–25]).

номенов цифрового гражданского оборота, становится в связи с этим основанием для его цивилистической характеристики. Так, к примеру, характеризуя правовой режим так называемого виртуального (игрового) имущества (*virtual property*), Т. Р. Хубиев и А. А. Серветник приходят к выводу, что с точки зрения гражданского права виртуальное имущество следует квалифицировать «как вещи и собственность» [80, с. 6]; при этом отдельный вид виртуального имущества – игровое имущество – названные авторы предлагают включить в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации⁹ (далее – ГК) в качестве самостоятельного объекта гражданских прав [80, с. 6]. А. В. Лисаченко в свою очередь полагает, что виртуальное имущество в целом соответствует юридическим признакам вещей, что оправдывает распространение на него соответствующего правового режима [39, с. 108–109]. Подобным же образом строятся рассуждения Д. А. Рягузовой о юридической сущности криптовалют: с точки зрения исследователя, для целей реализации уголовно-правовых запретов необходимо подчинить криптовалюту правовому режиму валютных ценностей, вещей [61, с. 175].

В целом же можно сделать вывод, что общие признаки различного рода цифровых объектов (криптовалюты, «виртуального имущества» и т. п.) и традиционной системы объектов гражданских прав определяются исследователями исходя из их терминологического соответствия («имущество» – «виртуальное имущество», «валюта» – «криптовалюта»). Но вместе с тем такое *механическое придание цифровым объектам свойств, присущих традиционным объектам гражданских прав, только исходя из идентичности терминов, которыми обозначаются и те и другие, видится нам совершенно необоснованным методологически.*

Здесь представляет безусловный интерес следующее замечание А. Н. Латыева: «...до Великой французской революции, – пишет он, – правовой режим нематериальных объектов не смешивался с вещно-правовым. Вызванное революцией движение за отмену привилегий должно бы было уничтожить и авторское право, что, в свою очередь, пришло бы в противоречие с идеологией Просвещения. Выход был найден в признании авторских прав видом права собственности. Так в лексикон континентальных юристов вошло словосочетание “интеллектуальная собственность”... История этого института, – пишет далее А. Н. Латыев, – является показательным примером того, как образное выражение, будучи понято как юридическая конструкция, повлекло целую череду недоразумений (курсив мой. – В. П.)» [37, с. 21]¹⁰. Ситуация, о которой пишет А. Н. Латыев, во многом схожа с той, о которой мы говорим, поскольку в обоих случаях истоком правовой проблемы является *смешение термина и понятия, научной метафоры* [35, с. 46; 58, с. 147; 72, с. 128] *и юридической конструкции, формы и содержания, т. е., по сути, – методологическая неопределенность цивилистической доктрины.*

Смешение термина и понятия достаточно ярко проявляется в цивилистических концептуализациях такого феномена цифровой экономики, как технология смарт-контракта. Как пишет А. И. Савельев, смарт-контракт представляет собой «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе *Blockchain*, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [63, с. 46]. На наш взгляд, исследователь тем самым определяет смарт-

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ Подчеркнем, что в настоящее время смешение собственности в классическом понимании и интеллектуальной собственности недопустимо хотя бы *ex lege*, поскольку п. 3 ст. 1227 ГК, посвященный соотношению интеллектуальных и вещных прав, регламентирует общее правило, в силу которого положения о вещных правах не подлежат применению к интеллектуальным правам. Однако следует констатировать, что, несмотря на это, смешение интеллектуальных и вещных прав до сих пор иногда встречается в исследовательской литературе (см., например: [53, с. 23]).

контракт только в качестве особой, цифровой формы договора (наряду с письменной, устной и конклюдентной), которая (с учетом конкретных особенностей информационной среды) может конституировать условия ряда гражданско-правовых договоров, известных законодательству и правовой доктрине. В качестве особой формы стандартного гражданско-правового договора определяют смарт-контракт также А. С. Генкин и Л. А. Маврина [19, с. 140], а также ряд других исследователей [24, с. 66; 65, с. 68; 68, с. 80]. Действительно, с позиции функционального подхода точка зрения авторов, относящих смарт-контракт к числу договоров, обоснованна в том смысле, что сущностно смарт-контракт предназначен для оформления договорных условий в цифровой среде и их автоматического исполнения, и в этом смысле условия, заложенные в соответствующий программный алгоритм, действительно могут быть определены как договорные. Однако дает ли сказанное основания говорить о *договорной сущности самого смарт-контракта*? Полагаем, что нет.

Обосновывая данное утверждение, обратимся к сущности гражданско-правового договора *per se*. С нашей точки зрения, фундаментальной характеристикой договора выступает согласование воли сторон; а значит, договор – это в первую очередь юридический факт-действие, конституирующий гражданское правоотношение и определенный его сторонами юридический эффект, воплощенный в системе правил взаимного поведения субъектов данного правоотношения. Указанные правила опосредуют характер данной системы, который в связи с этим может быть обязательственным, вещным, интеллектуально-правовым и т. п. Следовательно, для договора первостепенное значение имеет *характер структурируемых им правил взаимного поведения сторон* [7, с. 3–4]; «динамическая» сторона юридического эффекта договора (т. е. реализация опосредованных им прав, обязанностей и ответственности) является в этом смысле характеристикой не самого договора, а обусловленного им правоотношения. Иными словами, необходимо отличать договор как соглашение (источник индивидуального правового регулирования) от *правоотношения* как следствия заключения договора (таким же образом различаются, к примеру, закон и процедура его исполнения) [2, с. 14; 55, с. 11]. Если же мы рассмотрим в предложенной логике феномен смарт-контракта, то увидим, что *смарт-контракт – это, в первую очередь, способ исполнения договорных условий*. Поэтому считать смарт-контракт договором, с нашей точки зрения, неправомерно, прежде всего, из методологических соображений, поскольку иной подход приведет к смешению самого договора как *конституирующего гражданское правоотношение правового акта* и самого опосредуемого им гражданского правоотношения, т. е., по сути, – к фундаментальной понятийной ошибке.

Таким образом, мы видим, что термин, которым обозначается то или иное явление цифровой действительности, становится определяющим моментом в построении гражданско-правовой теории этого явления. Тем самым исследователи обращаются не к существу явления, а к смысловым акцентам его терминологического обозначения. Однако ранее мы замечали, что термины языка – это форма отражения явления в коммуникативной схеме. В этом контексте оправданно считать, что *большинство современных цивилистических исследований, посвященных цифровым артефактам, отражают не гражданско-правовое содержание этих явлений, а по преимуществу – их форму*, поскольку методологически эти исследования основаны на неоправданной экстраполяции смысловых акцентов терминологии естественного языка в содержательную плоскость научных юридических понятий. В связи с этим, с нашей точки зрения, абсолютно справедлив упрек В. А. Белова современной правовой науке, которая, по меткому выражению исследователя, «из... юриспруденции понятий... выродилась в юриспруденцию терминов» [9, с. 256]. Соответствующая проблема, таким образом, в философском

смысле является фундаментальной, поскольку неоправданное построение юридической теории явления, основанное только на смысловых акцентах его терминологического обозначения, является, по сути, подменой содержания явления его логико-языковой формой. Это позволяет констатировать, что с позиции актуальных научно-исследовательских практик цивилистические теории «цифровых» аспектов гражданско-правовых отношений относятся в большей степени именно к «юриспруденции терминов».

2. Господство позитивистских установок, ограничивающих пределы гражданско-правового познания сферой положительного права

Традиционно в философии науки концепции научного предмета *per se* строились на основании двух методологически оппозиционных гносеологических установок – позитивистской и герменевтической [12, с. 6; 73, с. 121; 85, р. 1599]. Так, если позитивизм, основанный на идее эмпиризма как единого методологического основания всех наук [87, р. 335], рассматривает предмет науки в качестве объективных законов мироустройства, закономерностей развития природы и общества [98, р. 19, 78; 100, р. 9, 15], то для герменевтики, сосредоточенной на исследовании текста как гуманитарного феномена, предметом науки выступает сущность явления, его смысл, продиктованный актуальной социокультурной ситуацией [89, s. 3; 90, s. 144]. Оба указанных философских течения оказали существенное влияние на развитие всех наук, в том числе и юриспруденции. Однако, по замечанию Н. Н. Тарасова, именно «позитивистские установки научного познания попали в юриспруденции на благоприятную почву... юридического позитивизма» [73, с. 25]. В этой связи следствием влияния научного позитивизма на отечественное правоведение (основанное преимущественно на позитивистской концепции правопонимания) стала специфика понимания предмета юридической науки, отчетливо оформившаяся еще в XIX столетии и доминирующая в методологии советского и современного правоведения.

В этом смысле наша юриспруденция (в том числе и ее цивилистическая отрасль) была и остается по преимуществу позитивистской, основанной на неоправданно узком подходе к праву как к системе правил общественного поведения, исходящих от государства и обеспеченных его принудительной силой [5, с. 104; 6, с. 52; 22, с. 180; 42, с. 205; 45, с. 332–341; 49, с. 87; 50, с. 137; 62, с. 169; 75, с. 196]. Отсюда – неоправданное сведение задач научного изучения права к «*атомистской* проработке... правовых реалий» [4, с. 114], к «*понятийной констатации* юридических реалий... выявлению содержащихся в них юридических норм и юридических фактов, в их толковании, фиксации присущих им общих, видовых и родовых особенностей» [4, с. 115]. Иными словами, при таком гносеологическом отношении к праву роль науки сводится к юридико-техническому описанию действующего законодательства, поиску в нем пробелов, нестыковок, несогласованных положений – словом, к интерпретации позитивного права, которую Р. фон Иеринг оправданно называл «низшей юриспруденцией» [26, с. 180]. Однако следует констатировать, что подкупающий своей логической простотой и непротиворечивостью позитивизм не только целиком захватил (за редким исключением) сферу юридической науки, но и ожидаемо проник в область юридического образования. В результате сложилась ситуация, при которой изучение и преподавание права сводится к комментированию текстов законов и положений судебной практики¹¹.

Такое положение дел возникло, однако, не вчера и не сегодня. «Я не знаю и не преподаю гражданского права. Я знаю и преподаю гражданский кодекс», – утверждал французский цивилист М. Бугне в середине XIX столетия [95, р. 140].

¹¹ Нельзя при этом не отметить, что во все времена встречались исследования, подвергающие такой подход резкой критике (см., например: [18, с. 3; 27, с. 19]).

Познание логики законодательства как основную задачу юридического образования и науки постулировал выдающийся ученый Ф. Жени [92, р. 39–40, 86–87]. Подобный же подход усматривается в следующем тезисе классика нашей юриспруденции Г. Ф. Шершеневича: «Материалом, подлежащим изучению со стороны правоведения, служат юридические нормы... Только нормы составляют объект правоведения» [84, с. 91]. Такое отношение к праву, к методологии его научного познания и преподавания сохраняется и в наши дни, когда по существу юридическая наука и образование из правоведения вырождаются обратно в законоведение [77, с. 58].

Обусловленное этим признание позитивного права и его закономерностей в качестве предмета юриспруденции ярко прослеживается и в гражданско-правовой доктрине. Так, по мысли О. А. Красавчикова, «наука (гражданского права. – В. П.) изучает не только нормы гражданского права, но также и объективные закономерности, которые находят свое отражение в гражданском праве в целом и в его важнейших правовых институтах» [34, с. 59]. Такой же подход демонстрирует М. М. Агарков, отмечая: «Предметом науки... гражданского права является... гражданское право как отрасль права» [1, с. 70]. Трактовка отрасли гражданского права и закономерностей гражданско-правового регулирования в качестве предмета соответствующей науки характерна и для большинства современных авторов [20, с. 14; 51, с. 9; 79, с. 36].

Таким образом, из изложенного следует, что современная отечественная цивилистическая доктрина остается в силу доминирования традиционных научно-познавательных установок позитивистской (как в контексте актуального типа правопонимания, так и применительно к позитивизму как основной гносеологической установке). В этой связи герменевтико-методологические установки в гражданско-правовой науке прослеживаются значительно реже, главным образом – в исследованиях, посвященных личным неимущественным отношениям, фидуциарным обязательствам [70, с. 34]. Тем более позитивистские установки характерны для гражданско-правовых концептуализаций цифровых технологий, явлений и процессов в гражданском обороте, о чем мы уже писали в первом параграфе настоящего исследования.

Однако насколько методология философского позитивизма адекватна предметной репрезентативности цивилистической доктрины в цифровую эпоху? *Prima facie* ответ на этот вопрос должен быть утвердительным, ведь отыскание закономерностей развития имущественного оборота в условиях цифровизации является первостепенной задачей гражданско-правовой науки. С одной стороны, это безусловно так. Однако такое отыскание производится исследователями главным образом в области актуального законодательства, т. е., по сути, – в особой *форме* соответствующих общественных отношений, но не в них самих [29, с. 349].

В связи с этим взгляд юристов на существо общественных отношений в цифровой среде не является теоретически организованным, а имеющиеся образцы теоретического и практического разрешения данных вопросов являются в этом смысле казуистикой. Характерным примером в этом контексте является практика арбитражных судов по вопросу об определении юридической сущности криптовалюты. Так, в одном из дел о признании должника банкротом арбитражный управляющий заявил требование о включении в конкурсную массу принадлежащей должнику криптовалюты. Однако суд отказал в удовлетворении указанного требования, отметив, что в отсутствие законодательных норм, регулирующих использование криптовалюты в гражданском обороте, решение о включении криптовалюты в конкурсную массу не будет иметь юридических механизмов исполне-

ния¹². В то же время в другом деле арбитражный апелляционный суд решил данную проблему диаметрально противоположным образом, включив криптовалюту в конкурсную массу должника в качестве иного имущества¹³.

Господство позитивного правопонимания опосредует в связи с этим традиционную «двухфокусную» интерпретацию права в логике «отношение» – «норма». Однако при этом объективно нивелируется главный вопрос всей юридической деятельности: *почему то или иное отношение имеет правовой характер?* Актуальный тип правопонимания отвечает на этот вопрос весьма категорично: *потому что на то есть воля государства*¹⁴. Такая ситуация опосредует отсутствие у наших юристов каких-либо побудительных причин для отыскания *правовых характеристик общественных отношений, складывающихся в виртуальном пространстве*. По сути тем самым нивелируется изначально герменевтический характер всего права *per se* и, соответственно, герменевтические установки в цивилистическом исследовании. Вследствие этого *пределы гражданско-правового познания «цифровых» феноменов, исходя из актуального типа правопонимания и особенностей познавательного отношения к праву, ограничены только сферой положительного права, в связи с чем ученые-юристы рассматривают «цифровые» аспекты гражданско-правовых отношений только сквозь призму нормативных гражданско-правовых конструкций*.

Может показаться, что мы категорически отвергаем всякое применение позитивистского подхода и нивелируем его познавательное значение в современной юридической науке. Безусловно, это не так: мы говорим лишь о *недостаточности гносеологического потенциала позитивизма* в ситуации, когда то или иное явление цифровой реальности не имеет собственного правового режима, но должно, тем не менее, быть описано в понятийной схеме той или иной юридической конструкции (хотя бы из практических соображений). Поэтому в условиях, когда первостепенной задачей современной цивилистической теории становится познание гражданско-правовой сущности явлений и процессов, не подпадающих под регулятивное воздействие закона, первостепенное значение в исследовательской методологии приобретает именно *философская герменевтика*. И мы, принимая во внимание исследовательский потенциал философского позитивизма, тем не менее не можем не обратить внимание на то, что эвристическая состоятельность любой исследовательской методологии определяется принципом *баланса исследовательских средств*, вытекающего, в свою очередь, из принципа *философско-методологического плюрализма* [71, с. 48]¹⁵.

¹² Решение Арбитражного суда города Москвы от 24 октября 2017 г. по делу № А40-124668/17-71-160 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Такой подход в целом опосредуется господствующим пониманием права как системы исходящих от государства норм социального поведения, обеспеченных публичным принуждением. Проникновение такой онтологической интерпретации права во все области юридического знания ярко прослеживается в следующем тезисе П. М. Рабиновича: «Право, – пишет исследователь, – это не только правила поведения, установленные или санкционированные государством, но и *иные явления, в которых реализуется его воля* (курсив мой. – В. П.); ненормативные предписания, правоотношения, субъективные юридические права, правовые принципы и др. Хотя в этом варианте “традиционное” понимание права существенно расширяется, однако оно все же *ограничивается здесь пределами государственно-институционализированной надстройки*» (курсив мой. – В. П.) [56, с. 37–38].

¹⁵ Примечательно, что идею о необходимости методологического баланса между позитивистскими и герменевтическими, дедуктивными и индуктивными началами в научном познании высказывали даже философы, подвергающие сомнению исследовательский потенциал герменевтики (см., например: [69, с. 485–487]).

3. Приоритет прагматических контекстов в оценке истинности цивилистической теории, обуславливающий постепенное превращение науки гражданского права в обобщенное прикладное, технико-юридическое знание

«Наше научное правосознание всегда относилось к практике с особым пиететом», – небезосновательно утверждает Н. Н. Тарасов [74, с. 19]. В принципе идея о своего рода «противостоянии» теории и практики имманентно присуща континентальной юриспруденции¹⁶. В советский период истории нашего права и правоповедения такое положение вещей подкреплялось к тому же официальной философией. Характерны в этом смысле рассуждения М. Н. Руткевича, который отмечал: «...расчленение совокупной общественной деятельности на практическую, материальную и теоретическую, духовную, и вытекающие из этого расчленения определения практики и теории как чувственно-материальной и абстрактно-мыслительной деятельности можно считать... достаточно прочно вошедшими в... философскую литературу» [60, с. 77]. Таким образом, теория и практика как парные категории материалистической диалектики прочно закрепились в профессиональном правосознании в форме бинарных оппозиций; притом последней всегда отдавался приоритет¹⁷.

Такое положение дел привело к тому, что в области нашей юридической науки идея о диалектическом противоречии теории и практики и приоритете последней над первой получила очень неоднозначную по своей природе интерпретацию: правовая наука в России стала *теорией практики*¹⁸, причем практики *юридической*, а не *общественно-исторической*¹⁹. В методологическом смысле это означает, что теоретическая значимость и доказательность правового (в том числе и гражданско-правового) знания оценивается в контексте актуального состояния юридической практики. Такое неоправданное сужение прагматической интерпретации истины применительно к правоповедению (т. е. избрание критерием истинности юридических исследований только один вид общественно-исторической практики – юридическую практику) представляет собой явную методологическую ошибку.

Наиболее ярко такая ситуация проявляет себя в контексте такого социально-правового феномена, как криптовалюта. С точки зрения устоявшихся представлений об основном критерии оценки юридических теорий, состоятельность той или иной доктринальной разработки правового режима криптовалюты непосредственно зависит от ее обоснованности в контексте юридической (главным образом – судебно-правоприменительной) практики. Однако при самом беглом взгляде на интерпретацию криптовалюты в судебной практике можно обнаружить вариатив-

¹⁶ Так, еще Цицерон, характеризуя состояние современной ему юриспруденции, писал: «У нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей справедливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями» [81, с. 141], говоря в этом смысле прежде всего об узко-прикладном, фактически функциональном характере римской юриспруденции, нацеленной на обслуживание конкретных юридических практик. По выражению Р. Иеринга, «история римского права до нашего времени знает только циферблат часов, не имея понятия об их механизме. Она не касается вопроса о скрытой силе, которая приводит в движение стрелку, и донельзя внешняя связь ее историко-юридического материала напоминает систематику счета прачки: сорочки, воротнички, носовые платки, – *leges, senatus consulta, constitutiones principum, etc*» [25, с. 146].

¹⁷ Характерно в этом смысле следующее утверждение В. И. Леушина: «Исследования, не имеющие практической ценности, *нельзя считать научными*» (курсив мой. – В. Л.) [38, с. 118].

¹⁸ В принципе, такое положение дел характерно не только для правоповедения. Так, фактическое «подчинение» социологической теории общественным практикам констатирует П. Бурдьё (см.: [14, с. 53]). Об определяющем характере практики по отношению к теории высказывались представители немецкой классической философии (см.: [66, с. 200]).

¹⁹ Что уже само по себе неверно, поскольку в философском контексте «практика как критерий истины представляет собой всю деятельность людей, т. е. деятельность, касающуюся всех сторон общественной жизни» [83, с. 98].

ность (а точнее, принципиальную несогласованность) подходов к определению сущности данного феномена. Примечательно при этом, что такая несогласованность подчас наблюдается даже в актах Верховного Суда (не говоря уже о судах нижестоящих инстанций). Так, в одном из своих кассационных определений Верховный Суд признал незаконной рекламу криптовалюты, поскольку таковая в контексте ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²⁰ является денежным суррогатом²¹. Однако впоследствии, давая толкование положениям ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации²², Пленум Верховного Суда признал криптовалюту иным имуществом для целей реализации соответствующих уголовно-правовых запретов²³.

В целом же судебная практика демонстрирует, по крайней мере, три подхода к определению юридического режима криптовалюты. Так, согласно первому подходу, криптовалюта является имуществом (валютой) и в этом смысле играет роль законного средства платежа²⁴. В соответствии со вторым подходом криптовалюта представляет собой внеправовой феномен, который в связи с этим не имеет какого-либо правового режима вообще²⁵. Наконец, третий подход основан на понимании криптовалюты в качестве денежного суррогата, обращение которого на территории России запрещено²⁶. В этом контексте закономерно возникает вопрос: опора на какой из приведенных подходов в рамках теоретической концептуализации криптовалюты обеспечит истинность соответствующего исследования? Совершенно очевидно, что в этом смысле определение юридической практики в качестве критерия истины научно-правового исследования методологически несостоятельна, тем более – в контексте теоретического исследования цифровых феноменов (криптовалюты, виртуального имущества и т. п.), поскольку в отсутствие законодательно определенного правового режима данных феноменов позиции, высказываемые судами по соответствующему вопросу, неизбежно будут вариативны и противоречивы.

Тем не менее правовая практика во многом была и остается до сих пор ведущим критерием оценки теоретических исследований гражданского права. Итогом такой ситуации становится в настоящее время постепенное «растворение» граж-

²⁰ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июля 2002 г. № 28. Ст. 2790.

²¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2018 г. № 78-КГ17-101 по делу № 2-10119/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

²² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

²³ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 9.

²⁴ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Арбитражного суда города Москвы от 29 июня 2018 г. по делу № А40-85418/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Определение Арбитражного суда Вологодской области от 6 октября 2016 г. по делу № А13-3814/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См., например: Определение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31 июля 2018 г. по делу № 33-3142/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Московского городского суда от 18 апреля 2018 г. по делу № 7-4313/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См., например: Апелляционное определение Тюменского областного суда от 24 января 2018 г. по делу № 33-245/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Забайкальского краевого суда от 12 октября 2015 г. по делу № 7-12-337/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

данско-правовой науки в практике, превращение ее в обобщенное прикладное знание. Иными словами, гражданско-правовая теория становится даже не законоведением, а рискует превратиться в систему технико-прикладных положений, которые по существу не имеют никакого отношения к науке. Тем самым наше правоведение отклоняется в сторону изменения своего институционального статуса, заключающегося в постепенном переходе юриспруденции из отрасли научного знания в область практического искусства.

Таким образом, прагматизм нашей цивилистической теории проявляет себя в двух аспектах: во-первых, в избрании *юридической* практики как основного критерия оценки гражданско-правовых исследований и, во-вторых, в приобретении юридической практикой статуса основного исследовательского материала. Указанные аспекты, как уже было отмечено выше, формируют для гражданского права в частности и всей юридической науки в целом весьма неутешительную перспективу постепенной утраты *научного* статуса.

Обобщая изложенное, можно сказать, что переход к постиндустриальному обществу, сопровождаемый глобальной информатизацией общественно-экономических процессов, становится для юридической науки (и в первую очередь – науки гражданского права) своеобразным тестом на методологическую состоятельность. По нашему убеждению, актуальные исследовательские практики показывают, что отечественная юриспруденция рискует не пройти этот тест. Сформулированные выше тенденции методологического развития цивилистики в цифровую эпоху опосредуют вывод о том, что теоретико-методологический аппарат отечественной гражданско-правовой теории (сформированный за почти тридцатилетний постсоветский период ее развития) оказался не готов к осмыслению информационно-технологических явлений и процессов. Целиком сориентированная на исследование материального аспекта действительности (читай: межкомнатных перегородок), цивилистика, столкнувшись с принципиально новым – цифровым – аспектом действительности, продемонстрировала принципиальную неспособность к выработке *нового* знания. Вместо этого в исследовательских практиках предпринимаются попытки «подведения» реалий цифровой эпохи под ту или иную юридическую конструкцию, известную традиционной гражданско-правовой теории.

Сказанное позволяет сделать вывод, что для современного цивилистического правоведения (как и, впрочем, для юридической науки в целом) первостепенное значение имеют не *теоретические*, а *методологические* проблемы. В связи с этим следует безусловно согласиться с мнением французского философа и методолога науки Ж. Л. Детуша о том, что «в науке любая действительно важная проблема возникает как проблема метода» [88, р. 76]. Поэтому мы считаем, что преодоление текущих тенденций развития цивилистической теории должно идти в первую очередь по линии *совершенствования методологического аппарата цивилистики как науки*.

Итак, современная цивилистика, к сожалению, не столько формирует *новое знание* об информационно-технологических явлениях и процессах, сколько модифицирует *знание наличное* в том смысле, что она пытается описать цифровые феномены в понятийных схемах традиционных юридических конструкций. По нашему мнению, такое положение дел будет сохраняться постольку, поскольку ученые-юристы будут сохранять исследовательское безразличие к методологическим проблемам собственной науки. Тем самым в цифровую эпоху особенно актуализируется *разработка методологических проблем юридической науки, и в первую очередь – науки о гражданском праве*.

Литература

1. Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9.
2. Агарков М. М. Юридическая природа железнодорожной перевозки // Право и жизнь. – 1922. – № 3.
3. Адорно Т. Негативная диалектика / Т. В. Адорно ; пер. с нем. Е. Л. Петренко. – М. : АСТ, 2014.
4. Алексеев С. С. Избранное / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016.
5. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. I. – М. : Юридическая литература, 1981.
6. Алексеев С. С. Теория права. – М. : БЕК, 1995.
7. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. – Т. III : Права обязательственные. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999.
9. Белов В. А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4.
10. Белов В. А. Объяснение (эссе о юристах и юридической деятельности) // Корпоративный юрист. – 2006. – № 1.
11. Белов В. А. Типичные недостатки диссертаций по гражданскому праву // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7.
12. Бряник Н. В. Герменевтическая философия науки // Эпистемы : сборник научных статей. Вып. 5 : Проблемы философии науки. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
13. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. – М. : Просвещение, 1965. – С. 31.
14. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетей, 2001.
15. Васильев А. М. Категории теории права: к разработке понятийной системы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : МГУ, 1975.
16. Васильевский Е. В. Учебник гражданского права / науч. ред. В. С. Ем. – М. : Статут, 2003.
17. Вахтомин Н. К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория. – М. : Наука, 1973.
18. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. – Часть общая. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911.
19. Генкин А. С., Маврина Л. А. Блокчейн плюс «умные» контракты: преимущества применения и возникающие проблемы // Экономика. Бизнес. Банки. – 2017. – № 2 (19).
20. Гражданское право : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. – М. : Юнити-Дана, 2011.
21. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. – Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало-М, 2015.
22. Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. – СПб. : Лексикон, 2001.
23. Иванов Д. В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество : сборник. – М. : АСТ, 2004.
24. Иващенко Н. П., Шаститко А. Е., Шпакова А. А. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies. – 2017. – № 3 (11).
25. Иеринг Р. О задаче и методе истории права // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – № 2.
26. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типо-Литография А. Г. Розена, 1905.
27. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М. : Статут, 2011.
28. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под ред. О. И. Шкартана. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000.
29. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М. : Аванта+, 2001.

30. Ким В. В., Блажевич Н. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты / Рос. филос. о-во ; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998.
31. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко ; Отделение историко-филологических наук. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003.
32. Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : монография. – М. : Проспект, 2019.
33. Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.
34. Красавчиков О. А. Предмет и состав науки советского гражданского права // Правоведение. – 1957. – № 1.
35. Кузьмина М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. – 2006. – № 2.
36. Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. – Одесса : «Экономическая» типография, 1899.
37. Латыев А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2004..
38. Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.
39. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2 (95).
40. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М. : Изд-во МГУ, 1990.
41. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. – М. : Изд-во АН СССР, 1961.
42. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. – М. : РИОР, 2014.
43. Макарихина О. А. Анализ и моделирование понятийной структуры терминов социально-гуманитарных наук (на примере термина «этнос») : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2007.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 20. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961.
45. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. – М. : Проспект, 2001.
46. Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики : монография. – М. : Юрлитинформ, 2012.
47. Михайлов А. М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2019.
48. Нам К. В. Правовое регулирование регистрации и использования доменного имени в Германии // Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018.
49. Общая теория государства и права : учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018.
50. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012.
51. Попондопуло В. Ф. Предмет юридической науки // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1.
52. Пронин М. А., Королев А. Д. Образ человека в виртуалистике // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Российская академия наук, Институт философии ; отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М. : ИФРАН, 2013.
53. Прохоров А. Н. Основные подходы к определению сущности понятия «интеллектуальная собственность» // Вестник ТюмГУ. Серия «Экономика». – 2012. – № 11.
54. Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права / пер. с последнего немецкого издания проф. Рудорффа. – Т. 1. – М. : Типография «Соврем. Изв.», 1874.

55. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1960.
56. Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. – Львов : Изд-во при Львовском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1985.
57. Радбрух Г. Введение в науку права. – М. : Труд, 1915.
58. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Живая метафора // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990.
59. Рожкова М. А. Права на доменное имя // Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018.
60. Руткевич М. Н. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями // Взаимосвязь категорий : сборник статей. – Свердловск : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1970.
61. Рягузова Д. А. О перспективах признания виртуальной валюты объектом уголовно-правовой охраны (на примере биткойна) // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2018. – № 1.
62. Сабо И. Основы теории права : пер. с венг. / под ред. и с вступ. ст. д-ра юрид. наук В. А. Туманова. – М. : Прогресс, 1974.
63. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3.
64. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. – Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М. : Статут, 2011.
65. Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Иванова К. А. Права человека в сети Интернет : коллективная монография. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2019.
66. Самченко В. Н. Понятие практики в философии Нового и Новейшего времени // Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ. – 2015. – № 2.
67. Сандалова Н. В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминологическим источникам) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2010.
68. Сомова Е. В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2.
69. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. – Минск : Современ. литератор, 1999.
70. Степанов С. А. Экзистенциалы эгоизма и альтруизма в синергетическом образе права // Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании : монография / под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2020.
71. Степин В. С. Становление философии науки: первый и второй позитивизм // Методология науки: статус и программы. – М. : ИФРАН, 2005.
72. Тальягамбе С. Зрительное восприятие как метафора (По поводу концепции Пауля Фейерабенда) // Вопросы философии. – 1985. – № 10.
73. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2001.
74. Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотнесение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3.
75. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2003.
76. Трепицын И. Н. Переход права собственности на движимые имущества посредством передачи и соглашения // Записки Императорского Новороссийского университета. – Т. 92 / под ред. Заслуженного ординарного профессора А. А. Кочубинского. – Одесса : «Экономическая» типография, 1903.
77. Трусов А. И. Правоведение или законоведение? // Методологические проблемы правоведения / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
78. Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2012.

79. Филиппова С. Ю. Предмет цивилистической науки // Вестник МГУ. Серия : Право. – 2016. – № 4.
80. Хубиев Т. Р., Серветник А. А. Виртуальные игры в рамках гражданского права // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 11 (13).
81. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М. : Наука, 1974.
82. Шевченко Г. Н. Проблемы гражданско-правового регулирования эмиссионных ценных бумаг : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск : Томский государственный университет, 2006.
83. Шептулин А. П. Диалектический материализм. – М. : Высшая школа, 1965.
84. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. – Т. 2 включая Курс гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2017.
85. Åge L.-J. Grounded Theory Methodology: Positivism, Hermeneutics, and Pragmatism // The Qualitative Report. – 2011. – Vol. 16, № 6.
86. Brütt L. Die Kunst der Rechtsanwendung: zugleich ein Beitrag zur Methodenlehre der Geisteswissenschaften. – Berlin : J. Guttentag, Verlagsbuchhandlung, 1907.
87. Comte Au. Écrits de jeunesse (1816–1828). Suivis du Mémoire sur la cosmogonie de Laplace (1835) / Textes établis et présentés par P. E. Berrêdo Carneiro et P. Arnaud. – Paris ; La-Haye : Mouton, 1970.
88. Destouches J. L. Méthode et méthodologie de la science // Atti del Congresso di Metodologia. – Torino : Ramella, 1953.
89. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. – Leipzig und Berlin : B. G. Teubner, 1927.
90. Dilthey W. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. Bd. V. – Leipzig : B. G. Teubner, 1924.
91. Fairfield J. Virtual Property // Boston University Law Review. – 2005. – Vol. 85.
92. Géný F. Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif: essai critique. – Paris : Libr. Marescq Ainé, 1899.
93. Hernández D. C., Franco-Ruiz C. A., Contreras-Valdez M. I., Franco-Ruiz J. A. Exploitation in Virtual Assets (Cryptocurrencies) // Revista Mexicana de Economía y Finanzas Nueva Época. – 2019. – Vol. 14, Núm. 4.
94. Hoffman H. From Jhering to Radbruch: On the Logic of Traditional Legal Concepts to the Social Theories of Law to the Renewal of Legal Idealism // Canale D., Grossi P., Hoffman H. (eds). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 9: A History of the Philosophy of Law in the Civil Law World, 1600–1900. – Dordrecht : Springer, 2009.
95. Mayda F. François Géný and Modern Jurisprudence. – Baton Rouge : Louisiana State University, 1978.
96. Puchta G. F. Zu welcher Klasse von Rechten gehört der Besitz? // Rheinisches Museum für Jurisprudenz. Bd. 3 / Hrsg. von J. C. Hasse. – Bonn : Weber, 1829.
97. Radbruch G. Einführung in die Rechtswissenschaft. – Leipzig : Quelle & Meyer, 1925.
98. Ritzer G. Sociological theory. – 8th ed. – New York : McGraw-Hill, 2011.
99. Stammler R. Die Zukunftsaufgaben des Rechts und der Rechtswissenschaft // Hinnenberg P. (Hrsg.). Kultur der Gegenwart: Systematische Rechtswissenschaft. Teil II. – Leipzig und Berlin : B. G. Teubner, 1906.
100. Turner S. Philosophy and Sociology // Ritzer G. (ed.). The Wiley-Blackwell companion to Sociology. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012.

Vladislav O. Puchkov,

Master's in Jurisprudence, Acting Head of the Commercial Litigation Practice,
LLC "Pravoprocess" (Yekaterinburg)

"Civil and Legal Nature of the Room Divider":

The Experience of the Unwritten Study (on the Certain Tendencies in the Development of Civil Law Science Methodology in the Digital Age)

The study explores the basic tendencies of civil law science methodological development driven by the transition to the post-industrial society. The author argues that over the post-soviet pe-

riod, in the development of the legal methodology in general and the civil law methodology in particular, it has not devised the new conceptual approaches to the knowledge of state and the law. Consequently, due to the global digitalization that led to the new socio-legal events, phenomena and processes, the civil law science appeared to have been unprepared to the emerging challenges. To justify this proposition, the author researches the civil law science (perceived as a fragment of social culture, the fragment represented by the system of social relations concerning the reproduction of the new knowledge about the civil legal reality) from the perspective of philosophical methods (hermeneutics and dialectics), meta scientific remedies of knowledge (system approach, classical logic) and other scientific approaches (historical and genetic ones). The research results in identifying the three main tendencies in the development of the Russian civil law science methodology. Among them are the research reliance on the meaning of terms instead of the substance of concepts, the domination of philosophical positivism and positive law understanding in the system of exploratory remedies, and also the focus on the legal practice as the scientific truth criteria. The author deduces that there is the risk of the law science degradation (its turning first to the legislative jurisprudence and then – to the technical and applied knowledge). The study concludes that the overcoming of this state is primarily attributable to the development of methodological knowledge in the context of epistemological ideals of the digital revolution.

Keywords: science; methodology; digital age; civil law science; positivism; scientific concepts; truth; legal practice.